

зять о нем историю, то для нарратологов верно и обратное: рассказать историю о чем либо – значит проследить его причины, то есть причинно-следственное мышление есть, с этой точки зрения, лишь следствие нашей нарративной способности!

Рикер схожим образом ставит рядом человеческую самость и повествование и размышляет об их взаимодействии. Он вводит даже понятие «повествовательной идентичности», считая, что непрерывное повествование постоянно влияет на внутренний опыт человека.

Нарратив, в понимании Макинтайра, – это основа, то, что объединяет жизнь человека в единое целое, от рождения до смерти, в противовес критериям, по которым ее обычно разделяют (возрастные периоды, труд, отдых и др.). Макинтайр является автором новой антропологической формулы: «человек в своих действиях, на практике и в своих вымыслах представляет животное, которое повествует истории». Также он говорил и о том, что все эти повествования могут пересекаться, одно может составлять часть другого, так что личный нарратив включается в историю сообщества.

Кроме того, через нарратив возможно познание другого человека, поскольку другой может быть нам априори дан в рамках того или иного драматургического сюжета (сюжета о герое, лжеце, «обычном человеке», друге, любви и т.д.). А также нарратив является связующим звеном между событиями и рассказчиком.

ЖЕНЩИНА В ДРЕВНЕРУССКОЙ СЕМЬЕ

X – XV вв.: ПАТРИАРХАТ ИЛИ РАВЕНСТВО СУПРУГОВ?

С. Пушкарский

1 курс, юридический факультет

Научный руководитель – доц. В.И. Гольцов

Как известно, в середине XVI в. был издан «Домострой» эпохальный документ, закрепивший абсолютное бесправие женщины в сфере брачно-семейных отношений, благодаря чему в исторической мысли существует укоренившийся стереотип, будто бы женщина в Древней Руси находилась в подчинённом положении в семье и обладала весьма ограниченными правами. Да, в Московской патриархальной Руси так оно и было, но ведь Древняя Русь – это не столько домостроевская Московия, сколько долгий период Киевской Руси и раздробленности, во время которого семейное положение женщины было совершенно иным и даже намного более свободным, чем в Европе того времени.

Заявленная проблема является актуальной и сегодня, так как в историографии до сих пор превалирует подход о бесправном положении женщины в древнерусской семье. Так, И.Ф. Эверс в своём труде «Древнейшее русское право в историческом развитии» отстаивал положение о том, что

в древнерусской семье у женщин отсутствовала отдельная от мужа собственность, а это якобы доказывало исконную подчинённость жены мужу. Данное утверждение разделял В.И. Сергеевич, а М.Ф. Владимирский-Буданов обобщил его в «Обзоре истории русского права» [1, см.: с. 439–442]. Бесправной «теремной затворницей» древнерусская женщина предстаёт и в работах И.Е. Забелина.

Целью исследования является определение реальных прав женщины в сфере брачно-семейных отношений на основе анализа материалов археологических, летописных, нормативных и литературных источников.

На основании проведённого анализа я пришёл к выводу, что до XVI века в сфере брачно-семейных отношений женщина обладала правом на изъявление собственной воли в области заключения и расторжения брака и имела независимое положение в семье.

Брак представлял собой добровольный союз, основанный на свободной воле женщины выбирать супруга. Согласие женщины на брак было обязательным условием для заключения такового. О юридическом закреплении прав женщин на изъявление собственной воли в делах о замужестве свидетельствуют статьи Устава князя Ярослава Владимировича о денежных пенях, которые налагаются на родителей девушки не только в чрезвычайных ситуациях, например, самоубийства из-за брака поневоле, но и в случае, если девушка захочет замуж, а отец и мать не пустят. А вот в чешском и литовском праве наказывались не родители, а девушка за самовольный выход замуж: она лишалась своей доли имущества и приданого. Женщина имела право на развод в определённых случаях: в случае измены мужа, по физиологическим и материальным причинам, в случае, если муж скрыл своё холопское положение или продался в холопство без её ведома, по причине отсутствия супруга в течение трёх лет. Поводом к разводу служило и бездоказательное обвинение со стороны супруга. «Роспуст» (от слова «пустить») или самовольный развод как способ быстрого расторжения брака практиковался на Руси как мужчинами, так и женщинами. При самовольном уходе мужа от жены с него, кроме штрафа в пользу церкви, взималась большая сумма в качестве компенсации за «сором» (моральный ущерб), которая шла оставленной супруге. Очень интересен тот факт, что в то время муж в случае выхода из семьи должен был вернуть жене не только её имущество и приданое, но и часть совместно нажитого.

Эти права выгодно отличают восточнославянскую женщину от её западноевропейской современницы, которая должна была выполнять уничижительное право первой ночи, отсутствующее на Руси. А вот в Европе этот архаичный пережиток группового брака держался в течение всего средневековья.

В области повседневной семейной жизни существует масса свидетельств того, что женщины в то время далеко не были «теремными затворницами», а являлись, к примеру, участницами весёлых праздничных пиров.

Более того, в деле воспитания детей матери отводилась равная с отцом роль. Церковники требовали от детей уважения к матери, предоставляя в её распоряжение целую систему наказаний, служившую для того, чтобы добиться от них послушания и уважения к старшим в семье. В случае конфликтов между матерью и детьми закон сразу же вставал на сторону матери. Особо следует рассмотреть вопрос о вдовах. В духовных грамотах князей немало свидетельств передачи жёнам старшинства в семье. Ведь и Русская Правда в статье 120-й указывала в случае вдовства: «детем не дати воли» [2, с. 23].

На Руси X-XV веков существовала раздельность имущества супругов, и женщина являлась полноправным субъектом имущественных отношений, имеющим права неограниченного распоряжения своей собственностью. Это заметил В.О. Ключевский: «Ещё в X веке дружинная и торговая Русь знакома была с раздельностью имущества супругов: по договору Олега с греками на имущество жены не падала ответственность за преступление её мужа. Церкви предстояло поддерживать и укреплять это установление: церковный устав Владимира Святого ей предоставил разбирать споры между мужем и женой «о животе», об имуществе» [3, с. 269].

Библиографический список

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1995. 640 с.
2. Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России. М.: «ПРОСПЕКТ», 1997. 472 с.
3. Ключевский В.О. Сочинения в 8 томах. Том I. М.: Госполитиздат, 1956. 426 с.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В РАССКАЗАХ Л.Н. АНДРЕЕВА 1900-х ГОДОВ

М. Шестакова

3 курс, филологический факультет
Научный руководитель – доц. Л.А. Жонева

Проблема существования человека рассматривалась философией экзистенциализма, родоначальником которой в 19 веке стал С. Кьеркегор. Независимо от С. Кьеркегора в 20 веке Л.Шестов разработал свою концепцию религиозного экзистенциализма. Наравне с западно-европейским и русским философами-экзистенциалистами писатель Л.Н. Андреев задумывается над проблемой, которую должен разрешить каждый человек, – над выбором способа земного существования.

В рассказах Л.Н. Андреева 1900-ых годов философская проблема понимания человеческой жизни получает экзистенциальное истолкование.